

К1482373

Владимир Кудрявцев

ЗАКАИНАНИЕ

Владимир КУДРЯВЦЕВ

ЗАКЛИНАНИЕ

Стихи

Вологда
2000

к 1482373

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Одни поэты, создавая свой мир, врываются в читательское сознание стремительно, а другие, как бы находясь в тени, долго, неустанно и строго шлифуют свой дар. Но внутренний свет их поэзии, ведомой пока лишь одному Творцу, накапливает сияние и, набрав силу, начинает светить высоко и ярко. К таким поэтам, на мой взгляд, относится и вологжанин Владимир Кудрявцев. О чем бы ни говорил он в своих стихах — о своем детстве, отрочестве и юности, о родных и близких, о любви, о самом себе или же о судьбе родины, ему веришь. Веришь доверительной, страстной и взволнованной интонации. Потому что это голос самой души. Владимир Кудрявцев поэт русский, плоть от плоти великой и горестной России, о судьбе которой он, как и всякий истинно русский, искренне болеет, видя ее необозримые страдания, но — что самое главное — видит свет и ясность и готов за все это в меру своих сил вложить свой поэтический талант. Стихи для В. Кудрявцева, конечно же, не просто отдушина в этой жизни. Наполняя мир своим миром, поэт тем самым укрепляет и л а д в своей душе. Образно выражаясь, поэзия для Владимира Кудрявцева это то же самое, что семья для православного человека. Без нее — он никуда. Это снасает, укрепляя Веру, готовя суть человеческую, душу к последней, грозной минуте...

Лирический герой В. Кудрявцева часто обращается памятью к младым годам, мучается прошлой жизнью, искренне страдая за судьбу своей малой родины, а через нее — и России. Отсюда, от этих великих и вечных истоков, и черпает силу Владимир Кудрявцев для своего лирического героя, силу необходимую, чтобы противостоять свинцовым горизонтам повседневной жизни и ее крутым, непредсказуемым поворотам. Истоки сострадания, надежды и веры герои стихов и поэм В. Кудрявцева берут там, в своей предыстории, общаясь с земляками, малой родиной, заглядывая в дни прошедшие.

«Закливание» — это уже пятый сборник стихов поэта. И с каждым новым знакомством с творчеством автора, без сомнения, у читателей не может не становиться на душе тепло, тревожно и радостно. Потому что именно такой, светлой и немеркнувшей, видится судьба русского поэта Владимира Кудрявцева.

60-Я ПАРАЛЛЕЛЬ

* * *

Вот опять над угором седым
С огородов, где черные грядки,
От костров поднимается дым —
Дым Отечества — горький и сладкий.

Отзываясь на запах его,
Перепутаешь дни и эпохи.
Дым над полем висит — и всего!
Но дыхание сводит на вздохе.

Вдруг призывный пронзительный звон
Дальним эхом напомним о ком-то
Из иных, из минувших времен,
Издалёка — из-за горизонта.

И встревожит померкшую даль
Грозный отблеск пожарищ и сечи,
И душой овладеет печаль
О неизвестных и канувших в Вечность.

Обо всех. О самом о себе.
О согретых судьбой, о гонимых,
Обо всем — о родимой избе,
Обернувшейся пеплом и дымом.

Потому, ставший нынче седым,
Сам и запаху внемля и звуку,
Полюбил я Отечества дым
Через горе утрат и разлуку.

В АЭРОПОРТУ ВОЛОГДЫ

Какая грустная пора.
Октябрь — промозглая погода.
Я веселее был вчера,
Счастливей был в начале года.

Курю. От сердца отлегло.
Лечу туда, где прежде не был,
Где будет просто и светло,
Где день длинней и выше небо.

Я так устал от скучных дней
В краю, любимом и знакомом.
Но полюблю еще сильнее
Его, когда расстанусь с домом.

И там, надкусывая торт,
Среди чужого мне народа
Я вспомню мой аэропорт
И эту серую погоду...

НЬЮ-ЙОРК

Цвет неба нежно-синий.
Но колко от углов,
От гордых знобко линий
Почти слепых домов.

Вхожу, не видя солнца,
По высохшему дну
Гигантского колодца
В подземную страну.

И, словно в страшной сказке,
Брожу среди теней
Один, боясь развязки
Здесь отведенных дней.

Судьбе ль угодно, чтобы
Я понял средь всего
Абсурдность небоскреба
И торжество его...

НА ВОЛОГДЕ-РЕКЕ

Меркнет свет
Над Вологдой-рекой.
Гаснет день.
Спешат с работы люди.
Пусть сегодня
Вечером покой
Званным гостем
В каждом доме будет...

Думаю о бренности,
О том,
Что пока я жив —
И слава Богу!
Мирно и торжественно кругом,
Гололед посеребрил дорогу.

И собой доволен я вполне.
Взлеты были —
Были и ошибки.
Не огни играют в полынье —
Это наши золотые рыбки.

ОСЕНЬ В НЬЮ-ХЕМПШИРЕ

На берегу листва сухая —
Не первоуток.
Не в небесах — на реках стаи
Гусей и уток.

Пылая в огненной оправе,
Парят озера.
И спины голые расправя,
Дымятся горы.

Здесь тоже осень — золотая!
Краснеют дали.
Красивая, но — не такая,
В ней нет печали...

О ВЕЧНОМ

Пришла пора веселой грусти.
И знаю, что, лаская слух,
Она из плена не отпустит
До октября — до белых мух.

Потом, когда померкнут дали,
Истает грусть, рождая свет,
В душе, открытой для печали —
Той, от какой спасенья нет.

Как мы подвластны переменам,
Так и печаль светла, пока
К ней не придет, как страж, на смену
С ноябрьским привкусом тоска.

Она, изматывая душу,
Лишит ее тепла и сна,
И проморозит, и осушит,
Как речку тихую, — до дна.

И буду ждать я, дни считая,
Когда над озимью полей
Меня с небес окликнет стая
Летящих с юга журавлей...

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

Печь не натоплена — замерз.
Встал очень рано.
Мой дом родной за тыщи верст —
За океаном.

Как будто пропасть за спиной
И нет опоры,
Когда отсюда шар земной
Окинешь взором.

Шуршит чужой над крышей флаг.
Мороз по коже.
И жизнь здесь чувствую не так
И время тоже.

* * *

Черные избы.
Желтое поле.
Все до удушья знакомо —
До боли.
До иступленья желанны,
До мук
Ржавая речка
И выжженный луг.
Что потерял я?
Чего же ищущ?
Липнет листва
К сапогам и плащу.
К Китежу-граду
И в белую рощу
Я пробираюсь вслепую —
На ощупь.
Серое небо.
Низкие тучи.
Голые липы
Темнеют на круче.
Дом под березой —
Дырявая крыша.
Бездну незримую
Чувствую-слышу!
Здесь ко всему,
Что с пеленок любимо,
Время безжалостно —
Неумолимо!..

У ОКЕАНА

Зыбкая бездна
Играет волной...
Дума ее —
Неизвестна.
Дышит у ног Океан.
Надо мной —
К звездам развернута
Бездна!
Глубь Океана
И Космоса глубь...
Духом и сердцем —
Немею
И, прикрывая глаза,
Заглянуть
В черные бездны
Не смею,
Слыша их грозный
Таинственный глас,
Руки слабеют и ноги.
Здесь,
На границе стихий,
Первый раз
Замер я с мыслью —
О Боге...

В ЛЕСУ

В лесу смеркалось на глазах.
Густая тень накрыла землю.
Обуглилась как будто зелень.
Сверкая — близилась гроза.
Я шел из выгона домой,
Набрав грибов корзинку с верхом.
Вдруг из-за елки гулко эхо
Меня окликнуло: — Пстой!..
Я был один среди зверей.
Кричали филины из мрака.
И, обезумевший от страха,
Я стал на помощь звать людей.
И успокоиться не мог,
Когда почувствовал, немея,
Что корни, скользкие, как змеи,
Рвались упруго из-под ног.
Я думал сон... Но наяву,
Сбивая в кровь лицо и руки,
Ловил я запахи и звуки,
Как чуткий зверь упав в траву.
Давил ладонями грибы.
И мякоть с запахом болотным
Кружили голову до рвоты.
Ужели это знак Судьбы?
Ударил гром! И стало мне
Так ясно, что, лишась покоя,
Страшней всего с самим собою
Остаться вдруг наедине...

В ЛОНДОНДЕРРИ

Сквозь затененное стекло
Смотрю на улицу и слышу —
Ложится мирно и светло,
Шурша, листва с берез на крышу.

В стране ль чужой найду покой,
Который дома только снится?
Там журавля ловил рукой...
А здесь держу в руке синицу!

Такое чувство, словно в рай
Попал — так радуйся! Но где там...
Каким бы райским не был край
И здесь вопросы без ответов...

* * *

Белый сумрак сеет с неба,
Застит даль и гасит свет.
Я таким спокойным не был
Столько зим и столько лет.

Не был я таким безмолвным,
Дни пуская на распыл.
И смотрю на мир я, словно
В первый раз его открыл.

Этот дом с резным крылечком,
Эту церковь у реки,
Где в окне мерцает свечка
Грозным бурям вопреки.

На душе легко и просто —
Не распят и не гоним.
Если есть к себе вопросы,
То к себе, а не к другим...

ПИСЬМО ИЗ АМЕРИКИ

Утро доброе, милые дети!
После долгого сладкого сна
Пусть вам солнце веселое светит.
Добрый день, дорогая жена!

Затопили хозяева печку.
Я в гостях у хорошей семьи.
Крепкий дом — только нету крылечка,
У крыльца — деревянной скамьи.

Отдыхаю. Уходит усталость
От работы, проблем и дождей.
Только жить по чужому уставу
Трудно даже у добрых людей.

Насмотрелся я разных диковин
И устал от заморских чудес.
В парке ужасов с лужами крови
То ли умер я, то ли воскрес?

Что для них, беззаботных, потеха —
Для меня, взятый на душу, — грех!
Эта жизнь не для боли — для смеха,
Не для горя она — для утех.

Жизни этой неделя — мгновенье.
И, как чашу, ее пригубя,
Открываю уже с удивленьем
Не ее, а людей и себя.

В этом тоже есть смысл и порою
Открываешь — прости меня Бог! —
И в себе и друг в друге такое,
Что вчера и представить не мог.

Точит душу завистливый вирус.
И, свое попрекая житье,
С их плеча примеряем навыворот
С благодарной улыбкой — шмотье.

Был сквозь землю готов провалиться.
Поднималось давление в крови
От дежурных улыбок на лицах,
От дешевых признаний в любви...

С каждым днем на душе сиротливей.
Сидя в кресле, качаю ногой.
Может, жизнь эта нашей счастливей,
Только наше-то счастье — в другой.

Неустроенной жизни, холодной.
Неизменной — молись не молись!
Но желанной — ругай как угодно! —
Эту нашу «таковскую жись».

Но люблю я ее и такую,
А другую принять не могу.
И по ней — бестолковой — тоскую
На богатом чужом берегу.

Поскорей бы домой — нету мочи!
Пусть Россия, как прежде, во мгле.
Ей желаю и вам доброй ночи!
И до встречи на русской земле...

1482373

* * *

Не стая над городом — рой
Птиц черных, взлетевших в испуге.
И я, потерявший покой,
Кружусь, возвращаясь на круги.

Своих ли вот только орбит?
Вернусь к своему ли порогу?
С прощением старых обид
И с новой молитвою к Богу...

* * *

Чего ищу я, вглядываясь в осень?
Хочу ль, оплавав листья и жнивье,
Через судьбу невызревших колосьев
Понять предназначение свое?..

ЗАКЛИНАНИЕ

Всю-то темную ночь напролет —
Пусть кому-то покажется глупо —
Вызывал я Ковер-самолет,
Сапоги-скороходы и Ступу.

Унесли бы скорее домой.
Нету сил — на пределе терпенье.
Встань, Конек-горбунок, предо мной,
Моему повинуюсь веленью.

В чаще леса услышь, Серый Волк!
Отзовись! Прикати — Чудо-печка!
Через горы, минуя Нью-Йорк,
Унесите к родному крылечку.

Гуси-Лебеди! — Кличу во тьму.—
Прилетите ко мне — заклинаю!
Помню всех — обращаться к кому.
Но беда — слов волшебных! — не знаю...

* * *

Ну вот они — знакомые края,
Где на сто верст в округе ни селенья.
Здесь отзовусь душой мятежной я
На трубный голос белого оленя.

На шорох снега и на запах трав
Откликнусь я с голодной жаждой зверя
И, на колени сбитые упав,
Перекрещусь на вековые ели.

О, как слаба с землей сырою связь!
Я отыщу в ней золотые корни.
И здесь, от пут земных освободясь,
Душою вознесусь к вершинам горним.

Пусть будет долгим у нее полет.
Пусть птицы в честь ее слагают гимны.
Пусть Бог опять в нее любовь вдохнет
И будет с миром та любовь взаимной!

* * *

Православный придел.
Праотеческий ряд.
Восемь вечера.
В храме нет никого,
Свечи в нем не горят...
Центр Манчестера.

У ВЕЧНОГО ПОКОЯ

Под синим небом —
Голые поля.
А на холмах —
С дымками деревушки.
В косых домах,
Как в древних житиях,
Святые —
Богу молятся —

Старушки...

Какие б бури
Здесь не пронеслись!
И сколько б гроз
В краю не отшумело!
...В избе за рамами —
Рябины кисть.
И тропка с вешками
В заулке белом...

КИРИЛЛОВ

Стара ты, крепость государева!
В твоих камнях гудят века.
Враг грабил — царь тебя одаривал.
И ныне ты еще крепка.

Еще грозна,
Коль кружат вороны,
Коль на Руси вражда и ложь.
Еще на все четыре стороны
Дозор на Севере несешь.

Час гибели настал, спасенья ли?
Ты, крепость, верная векам,
Такие знала потрясения,
Какие и не снились нам.

Утешь от горя безутешного,
Укрой от ворога и зла.
Ведь не одна душа мятежная
Здесь дух и веру обрела.

Летит на плиты на гранитные
Снег, освещая темный двор.
Твоими ль выжили молитвами
И выживаем до сих пор?

В сердцах —
Любовь и вера.
Мы разные все,
Но одна Судьба.
Исход один,
Наверно...

ФЕРАПОНТОВО

Такой он, наш жалкий удел —
На белом помяться свете.
Ты помнишь, как гордо гудел
С достоинством Вечности — ветер.

Ты помнишь стальной горизонт,
На взгорье святую обитель,
В которой скорбел Ферапонт —
Планеты таинственный житель.

Стояли над озером мы.
Шли в гору безлюдной дорогой
Венчаться на царство Зимы
В собор, отлученный от Бога.

Смеркалось. Молчал монастырь.
И к этой безмолвной юдоли
Нас за руку вел поводырь.
Он был нашей тенью и болью...

ХОЛМ ЗАБВЕНИЯ

I

Вечерний оседает свет
На древний холм. Иду, как нищий.
Я не бывал пятнадцать лет
У родового пепелища.

Роятся мысли, жала мозг.
Искрит от напряженья память.
Вхожу на холм, как на погост,
Заросший дикими кустами.

Молчанье скорбное храня,
Подумал с ужасом — о, Боже! —
На кладбище моя родня
И вся моя деревня тоже.

Спиной почувал холодок.
Услышал сердцем зов тревоги.
Ни троп знакомых, ни дорог.
Трава, цепляясь, вяжет ноги.

Вдруг за Гремячкой — на холме,
Над кладбищем и садом школьным
Знаменем явился мне
Забывтый голос колокольни.

Над лесом дальним не спеша
Застыло солнце — на мгновенье
Моя настроилась душа
На лад и умиротворенье...

II

Но я здесь — смертный человек —
Сам роковой помечен тенью.
Одну ль мою деревню век
Обрек на вечное забвенье?

Кто завтра вспомнит о моей?
В чьей памяти она воскреснет —
Деревня, полная людей,
С гармошкой, плясками и песней?

Да разве я представить мог,
Что без меня, как в бездну, сгинут
Полотна рваные дорог
И ленты выцветших тропинок.

О, горькая земля моя!
Так редко видевшая ласку.
Да разве мог предвидеть я
Такую страшную развязку!

Пусть отошла твоя пора.
Пока я жив — не смолкнет слово
О том, что здесь была вчера
Деревня русская — Попово.

Одна из тысяч деревень.
И без меня, как гость незваный,
Придет однажды судный день
И холм мой станет безымянный.

Я не был здесь пятнадцать лет.
Но остаюсь за все в ответе
В краю, где меркнет тихий свет,
Сгущаясь в сумерки столетий...

В ИУДЕЙСКОЙ ПУСТЫНЕ

Горы как будто верблюжьи горбы.
Вытертые — до проплешин.
Здесь обостренное чувство Судьбы,
Особенно, если — пеший.

Сжиженный воздух горяч и тягуч.
И камни до пыли стертые.
И жалит иглой раскаленный луч.
Здесь море и то — мертвое.

На горных отрогах рваньем пестрят
Сморщенные бедуины.
Вместо забора — ребристый ряд
Бочек из-под бензина.

В мареве знойном — распяты орла
Над желто-коричневой кручей.
В сиреновой дымке висит скала,
Как грозовая туча.

Оазис спит, как зеленый взрыв.
И был я в пустыне не первый,
Кто понял, страшась, что остался жив
Последний из нашей эры...

* * *

Вокруг меня опять —
Ни мира.
Ни любви.
Ни шороха в ответ на крик,
Ни звука.
Все слепы и глухи,
Зови или не зови —
Никто на помощь
Не протянет руку.

Какой безумный мир!
Какие времена!
Рассвет без солнца,
Жизнь — без вдохновенья.
Скрывается во мгле
Родная сторона
За полчаса
До светопреставленья...

Кричу не докричусь.
Зову не дозовусь.
Никто не откликается.
Не слышит.
Все заняты собой.
Молчит Святая Русь,
С тревогой ожидая
Голос свыше...

СОН

Я видел сон. К чему бы он?

I

...Меня, как лист, затягивала высь.
И дух перехватило высотой.
Никто не крикнул мне с Земли —
— Вернись!
Никто и не поднялся вслед за мною.

И я парил свободно и легко
У самых звезд в их ледяном убранстве.
От суетного мира далеко —
Вне времени парил и вне пространства.

Но чем сильнее затягивала высь,
Тем чувствовал острее притяженье
Земли.

Она звала — Остановись!
Неотвратимо крался миг паденья.

И в этот миг, как в зеркале себя
Увидел и спросил, дрожа от страха,
У отражения — Ты — это Я?
И будто эхо донеслось из мрака,

И проступил, пронзая, острый взгляд.
И я услышал: «Нет! Твое начало!
Которое две тыщи лет назад
Там, на Земле, уже существовало».

II

Я над Землей, как над костром, парил.
И люди наяву — не на картине! —
На Страшный Суд вставали из могил
Судить меня и всех живущих ныне!

Сухие молнии кроили мрак.
Плескались лица, точно рыба в сетях,
Которые полунагой Рыбак
Тащил на берег из тысячелетий.

Крошился град о камни и, звеня,
Плясал на лбах людей — какой эпохи?
И вдруг, как в омут, бросили меня
На род людской разгневанные боги.

Где тыщи глаз, как рыба чешуя
Распотрошенного в ночи улова,
Светились мертво... И ползла змея
По телу мальчика полуживого.

У ног моих, скривя беззубый рот,
Старик в лохмотьях грязных бил сандалей
О камень и кричал: «Идет! Идет!»
И я кричал — мне раздавили палец.

Взмывали птицы с обнаженных крон.
Огонь и дым из-под земли и с неба.
И вновь сошел, мольбам внимая, — Он —
Иисус Христос! — И веру дал и хлеба.

И Он сошел! И расступилась мгла.
И говорил Он — да услышат уши.
И проповедь его секла и жгла
Злом и враждой измученные души.

И вновь передо мной явился он —
Двойник! И я, страшась ответа, замер.
Я все надеялся, что это сон,
А он — видение — перед глазами.

Я силился проснуться и не мог.
А он, злорадствуя, смотрел на муки.
И словно уходила из-под ног
Земля — и отнимались будто руки.

«Теперь ты видел, как ужасна месть!
Как страшен Суд! Но справедлива кара —
За малодушие, измену, лезть
И за безумную игру в Икара...

Ты понял, что твои страданья — тень
От тех моих, страданий и мучений,
Что пережил я в этот страшный день
И до него — во дни грехопадений.

Теперь ты видишь — род людской воскрес.
И на глазах твоих свершилось чудо...»
Но я не знал, приняв покорно крест,
Что где-то здесь уже стоял Иуда...

Я видел сон. К чему бы он?

* * *

Стригут газоны на Тверской.
Травую пахнет и бензином.
И туча небо над Москвой,
Как пруд, затягивает тиной.

Народ, куда ни посмотрю,
Бежит чумной, как от облавы.
Уже не только Октябрю —
Здесь ничему не стало славы.

Разноязыкий свет витрин.
Весь город стал неузнаваем.
В людском потоке я один —
Ни гость заморский, ни хозяин.

В родной Москве совсем чужой.
И только золотые главы
Церквей — плывут над головой
Под звоны прежней русской славы...

* * *

Я всех угощу чем богат.
К нам в горницу — милости просим.
Нарядной расцветкою сад
Украсила к празднику осень.

Уже на столе пироги.
Дозрели домашние вина.
Встречай же гостей дорогих
И ягодой потчуй — рябина!

Вступай в разговор, старый клен.
Нам хватит и пива, и здравиц.
Давно ли ты сам был влюблен
Во всех деревенских красавиц.

И мужних, и вдовых уважь
И звонкой листвою поприветствуй.
Пусть праздник сегодня не наш —
Состарились наши невесты.

Пусть грустно на сердце — и все ж
Когда-то и ты был не промах
И царствовал — юн и пригож —
Среди яблоней и черемух.

Пришла золотая пора
Короткого бабьего лета.
Да здравствует свежесть двора
И горница, полная света!

* * *

В Москве живу угрюмой букой,
В лесу осеннем не бывал —
Ни за грибами, ни за клюквой
На вязких тропах ног не мял.

Не слышал в гулкой чаще птицы.
В бору не гладил жестких мхов.
За окнами гудит столица
И тает звон колоколов.

В промозглом сквере, как в тумане,
На скользких листьях тополей
Выгуливают горожане
Под вечер сук и кобелей.

Уеду завтра к Черным лужам,
Туда, где миром правит свет,
Где я еще кому-то нужен,
А, впрочем, может быть, и нет...

В ЛИПИНОМ БОРУ

Г. А. Аксенову

У старого друга в гостях
У самого Белого озера.
И радуясь, что подморозило,
Я редькой и дымом пропах.

Ветров заговорческий шум.
Легко здесь под гулками соснами
Расстаться с пустыми вопросами,
Отдавшись во власть светлых дум.

Кружится взлохмаченный снег
Над озером, берегом, лодкою.
И к дому неровной походкою
Счастливый бредет человек.

Так сонно и мирно вокруг.
И солнце, закрытое тучами,
По этому самому случаю
Сверкнуло над озером вдруг.

Спасибо тебе, Липин Бор!
За шум, успокоивший душу мне,
За друга, за стол и радушие
И долгий ночной разговор...

* * *

Любуюсь горами Алтая
Я — русских равнин человек.
Вверху — птиц неведомых стая,
Внизу — шум невидимых рек.

Стою у священного древа.
Природа тиха и строга.
Речная долина — налево,
Направо — глухая тайга.

Мой друг обращается к духам.
Стрекает углями костер.
Что шепчут, склонившись над ухом,
Ему повелители гор?

Ручей зазвенел тонко-тонко,
Как птица, вспорхнув из-под ног.
Дай ключ мне, чужая сторонка,
От тропок твоих и дорог.

По ним я, закон не нарушив,
Пройду, как в родимом краю,
Открыв тебе русскую душу,
Пойму, принимая, — твою...

* * *

По родимой по сторонке
Целый день хожу пешком.
Улыбнусь, шутя, девчонке,
Потолкую с пареньком.

По холмам и по низинам,
Вдоль ручьев, речушек, рек
Я иду с пустой корзиной,
Добрый русский человек.

И с такой любовью нежной,
Глядя каждый василек,
Я опять как будто прежний —
Без печалей и тревог.

Остужу у речки щеки.
В роднике напьюсь воды.
Край мой близкий и далекий —
Ты храни мои следы...

ДОЖДЬ В ФЕОДОСИИ

И рухнул он с неба отвесно!
И в каждом вздохнули дому...
Но было на улицах тесно
Вовсю развернуться ему.

А он-то со всей своей страстью
Сквозь зной раскаленного дня,
И радость суля и несчастье,
Взахлеб разыгрался — звеня!

Разверзнул небесные хляби —
Как посланный Богом самим —
Ударил наотмашь, не глядя,
По крышам и листьям сухим!

В безумной слепой круговерти
И ливня, и света, и слез,
Я думал о жизни и смерти
Впервые, быть может, всерьез...

ВЕСНА НА СЕВЕРЕ

Это здесь она нетороплива,
Гордая строптивая Весна.
Здесь она пока скромна, пуглива
И пока бледна, а не красна.

Это здесь у северных околиц,
У последних зимних у застав —
Здесь еще Весна не знает воли,
Не показывает буйный нрав.

Но и здесь уже у ней к полудню
Слышен говорок ручьев и рек.
И сама она, как кошка-блудня,
Слизывает с крыш прокисший снег.

И у нас, где горбятся сугробы,
Отдавая в синь и желтизну,
Люди выставляют рамы, чтобы
Поскорей почувствовать Весну...

* * *

За все приходит время отвечать.
Но в памяти,
Прошеднее тревожа,
Мы по привычке
Рубим сгоряча,
Как прежде,
Забывая осторожность.
Да, будят нас уже не петухи.
То время миновало —
Безвозвратно.
Нас будит совесть,
Будят нас грехи,
Ошибки,
Совершенные когда-то.
Они у старых прячутся дорог.
И в светлый день
Нам омрачают радость.
Я их исправил столько,
Сколько смог,
А сколько неисправленных осталось!..

* * *

Змеи иль во мне саднит укус?
Пчелы ли огненное жало?
Не потерял я к жизни вкус,
Не променял любовь на жалость?

Еще звенит в ушах июль!
И месяц смотрится в окошко...
Беда — меня не карауль
На скользких тропках и дорожках...

* * *

Здесь завершились перемены —
Дом опустел. Но как напасть
Скрипит под окнами антенна,
Вот-вот готовая упасть.

Упасть от перенапряженья
На древний, но пустынный холм.
Ей нет защиты, нет спасенья
От радио и телеволн.

Хозяев нет. И только стены
Эпохи слышат гул — да я!
А в мир, как чуткая антенна,
Открыта и душа моя...

* * *

Пора, давно уже пора
Проклясть блудливые столицы.
И где-нибудь под скрип пера
В монашьей келье затвориться.

Ну пусть не в келье — в шалаше.
И впрямь уже давно бы надо
Всерьез подумать о душе
И мысли привести в порядок.

И с головой уйти в стихи!
И, душу вымотав безверьем,
Всю ночь отмаливать грехи,
Всю ночь оплакивать потери...

* * *

Не шуми, старый клен, не тревожь.
Не буди в сердце горькие думы.
Что прошло, знаю сам, не вернешь,
Но не будем завидовать юным.

И у нас были светлые дни.
И у нас в жизни всякое было.
Если нынче мы бродим одни,
Значит кровь, отыграв, поостыла.

А на тайных тропинках любви
Наши дети теряют рассудок.
Не шуми, старый клен, не зови,
Я завидовать юным не буду.

Но по тропам заветным пройду.
И поняв, что все стало иначе,
Посижу под сиренью в саду
И не выдержу — тихо заплачу.

О былом, о котором уже
Не забуду до смертного вздоха.
И от слез станет легче душе
Потому, что не все же так плохо...

* * *

Опять ко мне является,
Светясь,
День!
Как младенец,
Розовый и звонкий.
А я стою,
Утаптываю грязь
И жду попутку
У дорожной кромки.
День набирает силу на глазах!
И вот опять,
Ища в душе опору,
Я чувствую
Растерянность и страх
Перед его
Неистовым напором.
И не могу никак поспеть за ним!
В ушах звенят
До боли перепонки.
И, падая,
Всем существом своим
Я протестую
Против этой гонки.
Пронесся — созидаю и круша!
День по земле,
Не вглядываясь в лица.
А я боюсь,
За временем спеша,
Поднять с гнезда
Непуганную птицу...

В БОЛЬНИЦЕ

За окошком больничным — апрель.
В тихом омуте белой палаты
Голубой вспоминаю Марсель,
Желтый берег игрушечной Мальты.

Память высветит гулкую даль,
И услышу я кельнские звоны,
И увижу под кронами пальм
Золотистый отлив Барселоны.

Сколько пройдено троп и дорог.
И пока я в рассудке и силе
Подвести не пора ли итог
Моему пребыванию в мире.

За больничное гляну окно.
Пахнет ветер водою и вербой.
Много видел я — понял одно —
Мир спасла красота —
жив он верой!..

ДРУЗЬЯМ

Друзья мои, уже пора.
Не весел наш прощальный ужин.
Ведь завтра больше, чем вчера,
Любой из вас мне будет нужен.

Не мне — Судьбе угодно так!
Нас под одной увидеть крышей.
Я знаю — это добрый знак,
Я верю — это воля свыше.

У нас в запасе ровно час.
А мы живем — не ценим годы.
Я пью за каждого из вас
И за хорошую погоду.

Пусть хоть она не подведет.
И не задержит, как бывало.
Я пью за наш Аэрофлот,
За четкий ритм родных вокзалов.

Пускай сопутствует хоть здесь
Нам изменившая удача.
Мне хорошо, пока вы есть.
А это в жизни что-то значит!..

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Александр Цыганов	2
60-Я ПАРАЛЛЕЛЬ	
«Вот опять над угором седым...»	4
В аэропорту Вологды	5
Нью-Йорк	6
На Вологде-реке	7
Осень в Нью-Хемпшире	8
О вечном	9
Воскресное утро	10
«Черные избы. Желтое поле...»	11
У океана	12
В лесу	13
В Лондондерри	14
«Белый сумрак сеет с неба...»	15
Письмо из Америки	16
«Не стая над городом — рой...»	18
«Чего ишу я, взглядываясь в осень?»	19
Заклинание	20
«Ну вот они — знакомые края...»	21
«Православный придел. Праотеческий ряд...»	22
У вечного покоя	23
Иерусалим	24
Кириллов	25
Вифлеем	26
Ферапонтово	28
Холм забвения	29
В иудейской пустыне	31
«Вокруг меня опять...»	32
Сон	33
«Стригут газоны на Тверской...»	36
«Я всех угощу чем богат...»	37
«В Москве живу угрюмой букой...»	38
В Липином бору	39
«Любуюсь горами Алтая...»	40
«По родимой по сторонке...»	41
Дождь в Феодосии	42
Весна на севере	43
«За все приходит время отвечать...»	44
«Змеи иль во мне саднит укусы?»	45
«Здесь завершились перемены...»	46
«Пора, давно уже пора...»	47
«Не шуми, старый клен, не тревожь...»	48
«Опять ко мне является...»	49
В больнице	50
Друзьям	51

*Издание подготовлено к печати благодаря поддержке
генерального директора АО «Горстройзаказчик»
Петра Алексеевича РЫЖКОВА*

В. В. Кудрявцев

ЗАКЛИНАНИЕ

Стихи

Редактор *А. А. Цыганов*

Художник *Э. В. Фролов*

Сдано в набор 22.12.1999 г. Подписано к печати 10.01.2000 г.

Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Академия».

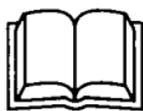
Усл. печ. л. 2,94. Печать офсетная. Тираж 999. Заказ 6927.

ПФ «Полиграфист». 160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

© В. В. Кудрявцев, «Заклинание», 2000 г.

© Оформление Э. В. Фролов, 2000 г.

ВОЛОГДА, 2000 г.

ИЗДАНИЯ
ВЛАДИМИРА КУДРЯВЦЕВА

«МЫ РУБИМ ДОМ»

*Сборник стихотворений
увидел свет
в Северо-Западном книжном издательстве
в серии «Первая книга»*

ИЗДАНИЯ
ВЛАДИМИРА КУДРЯВЦЕВА

«ВЕНЦЫ»

*Сборник стихотворений
увидел свет
в «КИФ «Вестник»
с предисловием Виктора Кортаева*

«АЛЕВТИНИН РУЧЕЙ»

Сборник вышел в Вологде

ИЗДАНИЯ
ВЛАДИМИРА КУДРЯВЦЕВА

«БЛАГОСЛОВЕНИЕ»

*Сборник стихотворений
увидел свет
в серии «ВОЛОГДА.ХХ ВЕК»*

[65p.]

ΒΟΛΟΓΔΑ
2000